

Отдѣль соціальныхъ наукъ.

№ 218 3
428

Проф. А. А. Исаевъ *).

Л. Н. ТОЛСТОЙ

за предѣлами художе-
ственного творчества.

I.

ложилось мнѣніе, что въ своихъ религіозно-философскихъ и публицистическихъ трудахъ Толстой остается тѣмъ же, чѣмъ былъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Но гдѣ, во второй половинѣ своей творческой дѣятельности онъ рѣзко отклонился отъ того, что отличало его въ первую половину.

Намъ говорять, что Толстой всю жизнь искалъ правды; что это исканіе, облеченнное за послѣднія 30 лѣтъ, главнымъ образомъ, въ форму статей, очерковъ, писемъ, призывовъ, обличеній, находило себѣ мѣсто въ его романахъ; что тамъ, отъ лица Толстого говорили Безуховъ, Каратевъ, Бол-

конский, Левинъ и другие. Мѣнялась только форма, а по существу Толстой былъ всегда однимъ и тѣмъ же.

Если даже принять это положеніе, то не будетъ опровергнута моя мысль, что въ обѣ половины своей жизни Толстой былъ не однимъ и тѣмъ же: канва, на которой онъ выводилъ свои узоры за послѣднее 30-тилѣтіе, рѣзко отличается отъ его творчества до 80-хъ годовъ.

Въ «Войнѣ и Мирѣ», «Аннѣ Карениной» и другихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ бралъ жизнь во всей ея многообразной дѣятельности, со всѣмъ тѣмъ добромъ и зломъ, которымъ она неизбѣжно приносить людямъ. Сердце Толстого на сторонѣ Левина, Пьера, Андрея Болконского, княжны Мэри. Но онъ относится съ безпристрастіемъ величайшаго художника и къ тому въ жизни своихъ любимцевъ, что отнюдь не можетъ быть уподоблено добрымъ Гѣлемъ; онъ изображаетъ безпристрастно и тѣхъ людей, и тѣ отношения, которые не могутъ пользоваться сочувствіемъ лучшихъ читателей. Читатель не увлекается старымъ княземъ Болконскимъ, но понимаетъ, какъ слагается этотъ типъ, и проходить мимо него только съ умѣреннымъ осужденіемъ. Читатель, смотрящій гла-

* Съ нѣкоторыми положеніями уважаемаго автора настоящей статьи можно не согласиться, но мы не сомнѣваемся, что читатели, которые разойдутся во взглядахъ съ профессоромъ Исаевымъ, отнесутся къ этой статьѣ съ тою же серьезностью и вдумчивостью, съ какою она писалась самимъ авторомъ, не уклонившимся отъ прямыхъ выводовъ, хотя бы они въ противорѣчили общепринятымъ мнѣніямъ. Ред.

зами Толстого, не чувствуетъ большого расположенія къ Аннѣ Карениной. Она выиграла бы въ его оцѣнкѣ, если бы не бросила сына, осталась съ нелюбимымъ мужемъ, поборола страсть къ Вронскому при самомъ ея за рожденіи и жила до конца своихъ дней, со святымъ утѣшающимъ сознаніемъ исполненного долга. Но такой читатель легко и даже охотно извиняетъ Анну, понимая сложность жизненныхъ отношеній и силу, съ какою любовь способна овладѣвать душою. Человѣкъ, склонный въ суроей оцѣнкѣ жизни, какую мы привыкли находить у Толстого, можетъ, все-таки, испытывать удовольствіе при чтеніи того, какъ охотился Левинъ: читатель понимаетъ, что охота является пустою и суетною забавой, но онъ понимаетъ также, что природа человѣка требуетъ отдыха и развлеченія, и что, въ качествѣ такого, охота, разъ она не сдѣлалась преобладающей страстью, не хуже многихъ другихъ забавъ. Онъ скажетъ, что это удовольствіе не только можетъ быть терпимо, но и способно уживаться въ человѣкѣ съ самыми добрыми и возвышенными душевными влечениями. Кто не требуетъ, чтобы жизнь удовлетворяла и потребность въ красотѣ, тотъ не будетъ увлеченъ роскошно убраннымъ столомъ княгини Тверской, какъ его изображаетъ Толстой; онъ подумаетъ даже съ негодованіемъ о роскоши, доступной немногимъ, при убожествѣ огромнаго большинства. Но онъ согласится, что обстановка въ домахъ богачей можетъ быть красива, можетъ отвѣтчать чувству изящнаго, которое заложено въ нашей природѣ очень глубоко; онъ скажетъ, что странно, несообразно отвергать, какъ негодное, большую часть вещей, которая принято считать красивыми. Слѣдя за Бородинскимъ боемъ, читатель можетъ съ сокрушеніемъ сердцемъ думать о войнахъ, объ озвѣреніи, до котораго доходятъ люди, когда столкнулись на полѣ браны, о гибели тѣхъ, чья жизнь могла бы быть наполнена добрыми дѣлами; онъ можетъ относиться съ неутихающею ненавистью къ честолюбію властителей, которое часто ведетъ народы на бойню. Но онъ сознастъ, что разъ вѣнчайший врагъ вступилъ въ предѣлы страны, то приходится отражать его не слезами, не убѣженіями, не уступкой земли, а силою оружія; онъ понимаетъ, что воины, побѣжденные или побѣдители, никоимъ образомъ не должны быть приравнены къ уголовнымъ убийцамъ изъ-за угла или открыто, на большой дорогѣ.

Для созданія своихъ художественныхъ произведеній первого періода Толстой учится у самой жизни; онъ улавливаетъ ея движенія съ несравненной остротой и развертываетъ ее передъ читателями съ рѣжимъ, исключительнымъ мастерствомъ. Онъ неизмѣнно остается реалистомъ. Его романы не только являются источникомъ наслажденія для всѣхъ, кто читаетъ ихъ, но имѣютъ и высокое воспитательное значеніе. Они даютъ жизнь такою, какъ она есть. Рука мастера ведетъ читателя по этому обширному миру, не навязывая ему ничего; авторъ незамѣтно пріучаетъ читателя любить добро и относиться съ негодованіемъ къ уродливымъ явленіямъ дѣйствительности.

II.

Во вторую половину своей писательской дѣятельности Толстой становится утопистомъ. Поскольку онъ и въ эти годы творить, какъ художникъ, старинныя связи съ жизнью воскресаютъ, овладѣваются всѣмъ его существомъ и позволяютъ создавать произведенія, которые, по силѣ художественнаго чувства, не уступаютъ иногда произведеніямъ первого періода. Но это—лишь отзвукъ стараго. Во второмъ періодѣ онъ, обыкновенно, не хочетъ знать жизнь такою, какъ она есть, не хочетъ изъ безконечнаго разнообразія явлений выдѣлить то, что создано человѣчествомъ къ его благу, и негодовать только на преграды и пути, которыхъ препятствуютъ дальнѣйшему усовершенствованію людей. Въ этомъ періодѣ онъ готовъ смести живого человѣка съ лица земли; онъ создаетъ новый типъ. Упрощая людей, онъ полонъ пренебреженія ко всему, что выработано долгю

историческою жизнью, и что, послѣ вѣкового неутомимаго исканія мысли, признано добрымъ и полезнымъ.

Во второмъ періодѣ онъ является прежде всего обличителемъ въ духѣ узкаго сектантства. Онъ громитъ человѣка за безчисленные акты его частнаго быта; онъ обличаетъ его, какъ члена общественной среды, и, наконецъ, обличаетъ разныя общественные союзы, съ которыми люди живутъ отъ далекаго, незапамятнаго прошлаго.

Толстой-утопистъ считаетъ грѣховнымъ и дурнымъ безчисленное множество явленій частной и общественной жизни, которая представлялась ему раньше безразличными. Дурно, говорить онъ, потребление спиртныхъ напитковъ даже въ самомъ маломъ количествѣ; дурно то, что человѣкъ курить. Онъ находитъ даже опаснымъ потребление вина и табаку, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: оно помогаетъ человѣку забывать упреки совѣсти и ведетъ къ тому, что безчисленное множество дѣйствій, которая совершаются въ наукѣ, искусствѣ, разныхъ отрасляхъ общественной и государственной жизни, является плодомъ работы людей одурманенныхъ. Дурно потребление мяса, ибо оно требуетъ убийства животныхъ и только возбуждаетъ чувственность людей. Заслуживаютъ суроваго порицанія не только роскошная обстановка богатыхъ, но даже тѣ простѣйшия удобства жизни, которые встрѣчаемъ въ обиходѣ людей средняго достатка, а въ странахъ съ высокой заработной платой — даже у семей неимущихъ классовъ. Онъ считаетъ дурными не только скученность населенія въ казармо-подобныхъ домахъ городовъ, не только работу надъ предметами роскоши, но и городскую жизнь вообще и всякий трудъ на фабрикахъ и заводахъ. Нѣкогда снисходительный къ тому, что Анна Каренина оставила мужа и полюбила Вронскаго, Толстой провозглашаетъ теперь безбрачіе состояніемъ, наиболѣе достойнымъ человѣка; дѣлая устуки слабости людей, онъ допускаетъ бракъ, но подъ условіемъ, чтобы люди, которые разъ рѣшились быть мужемъ и женой, не расходились никогда. Большая часть труда, затрачиваемаго въ наукѣ и искусствѣ, приносить только вредъ; множество людей, которые прилагаютъ свои силы въ этихъ областяхъ, едѣли бы гораздо лучше, если бы пускали мыльные пузыри.

Такъ обличаетъ Толстой недостатки частной жизни человѣка. Еще болѣе сурово оцѣниваетъ онъ общественные отношенія людей и дѣятельность государства. Почти весь хозяйственный бытъ и вся политика нашего времени представляютъ зло и безмыслицу. Толстой объявляетъ источникомъ одного только гнѣста, порабощенія и разращенія людей многочисленныя явленія общественной жизни, которая существуетъ съ незапамятныхъ временъ и порождаютъ какъ худое, такъ и доброе. Деньги— зло. Раздѣленіе труда— зло. Частное владѣніе имуществомъ даже скромныхъ размѣровъ— зло. Налоги— зло. Всякаго рода законы о собственности— зло. Надъ совокупностью этихъ золъ царитъ государство; оно является источникомъ безпредѣльного угнетенія и не можетъ вызывать сочувствія ни къ одной изъ отраслей своей дѣятельности. Государство есть вошіющее зло не только потому, что казнить смертью, не только потому, что ежегодно призываютъ миллионы молодыхъ людей къ отбыванію воинской повинности, т. е. зачислятъ въ ряды убийцъ, но и вслѣдствіе другихъ безчисленныхъ формъ насилия; онѣ бросаются въ глаза не столь рѣзко, но все же лишаютъ человѣка желанной свободы. Государство есть зло и тогда, когда устанавливаетъ налоги и собираетъ ихъ въ свою казну, и тогда, когда издастъ правила обѣ условіяхъ, при которыхъ человѣкъ имѣеть право вступать въ бракъ, считать своихъ дѣтей законными, распоряжаться своимъ имуществомъ, выѣзжать за предѣлы своей страны или оставаться дома. Наконецъ, при этомъ исполнительному союзу,—государству,—стоить церкви, неуклонно исполняющая его велѣнія. Она призываетъ благословеніе Боже-

ства на всякую неправду, на всю злоупотребленія, исходящія отъ государства. Имено здѣсь, въ церкви, не пренебрегаютъ никакими ухитреніями, дабы доказать, что все, совершающее государственной властью, было отъ начала міра начертано въ книгѣ судьбы, и что лишь тотъ, кто неуклонно исполняетъ волю государства, угодецъ Божеству и можетъ разсчитывать на вѣчное блаженство.

Итакъ, дурно все. Касаясь самой интимной стороны человѣческой жизни,—области любви,—Толстой признаетъ любовь къ близкимъ людямъ только пристрастіемъ. Любить всѣхъ въ одной и той же степени—такова обязанность человѣка.

Отвергая современную цивилизацию, Толстой отрицаеть и мѣры, которыя предлагаются со всѣхъ сторонъ, дабы измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ. Онъ не придаетъ значенія не только тѣмъ мѣропріятіямъ, которая принято считать временными и переходными, но и планамъ, измѣняющимъ общественную жизнь въ самомъ ея основаніи. Повысить заработную плату, сократить рабочій день, внести поправки въ область суда, администраціи, законодательного механизма—значить сдѣлать только мимо-летное, несущественное улучшеніе, которое не укрѣпляетъ здоровья людей и не повышаетъ ихъ нравственности. Обезпечить себѣ то, что уже стало принадлежностью культурныхъ государствъ—народное представительство и, какъ его послѣдствія, улучшеніе правительственноаго строя, религіозную терпимость, свободу печати, законность въ финансахъ,—также не важно, ибо не способствуетъ нравственному усовершенствованію человѣка.

Слабы и безцвѣтны предъ судомъ Толстого даже тѣ мѣры, которая, согласно съ планами соціалистовъ, строятъ общественную жизнь на новыхъ началахъ. Изъятіе орудій производства изъ частной собственности не дастъ человѣку желанной свободы: отпадутъ формы гнета, знакомыя настоящему, но являются новыя, не менѣе тяжкія. Членъ соціалистического общества, разсуждающій Толстой, захочетъ широко развить свои потребности; этимъ людямъ будутъ нужны безчисленные виды производства, которые работаютъ теперь на богатыхъ. А при такихъ условіяхъ нельзя обойтись безъ детальнаго раздѣленія труда, безъ разнообразныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ мірѣ будущаго никто не захочетъ производить $\frac{1}{50}$ часть сапога или $\frac{1}{100}$ письменного стола, какъ мы это наблюдаемъ въ современномъ обществѣ. Раздѣленіе труда, доведенное до крайнихъ степеней, возводаетъ на людей такія дробныя работы, которыя обезцвѣчиваютъ личность. А свободнаго человѣка влечетъ ко всестороннему развитію силъ и способностей, которая даровала ему природа. Словомъ, идеалы тѣхъ, кто хочетъ передѣлать общественный порядокъ, неосуществимы, да они, по мнѣнію Толстого, и не настолько высоки, чтобы стоило стремиться къ ихъ осуществленію.

Человѣкъ Толстого долженъ отбросить многочисленныя потребности и привычки, которая сложились въ теченіе вѣковъ. Онъ долженъ опростить себя и въ частномъ быту, и въ общественной жизни. Грубая пища на почвѣ строгаго вегетаріанства, простая обстановка жилища (даже кровати признаются почти роскошью), преобладаніе мышечнаго труда надъ умственнымъ, раздѣленіе работъ простѣйшаго вида, бракъ, нерасторжимый даже въ томъ случаѣ, если супруги совсѣмъ не соответствуютъ другъ другу, отказъ отъ безчисленныхъ произведеній науки и искусства, ибо они отвѣчаютъ только на суетныя влеченія, простѣйшия разсказы, пѣсенки, музыка, какъ средства наполнить досугъ, равно-дружелюбное отношеніе ко всѣмъ, безъ предпочтенія членовъ семьи и другихъ близкихъ людей...

Какъ проста частная жизнь людей Толстого, такъ несложенъ и ихъ общественный бытъ. Обширныя государства нашего времени распадаются на безчисленные мелкіе поселки. Рушатся высокія фабричныя трубы.

Громадныя зданія промышленныхъ и торговыхъ предприятій обращаются въ груды развалинъ. Университеты, средня училища, театры, музеи, дворцы, храмы забрасываются. Улицы городовъ заносятся пескомъ и покрываются травой. Пестрая, многообразная картина городской жизни постепенно изглаживается изъ памяти людей. Безчисленные миллионы, населяющие города, пребываютъ къ сельскому люду и, вмѣстѣ съ нимъ, покрываютъ лицо земли густою сѣтью мелкихъ общинъ. Эти люди посвящаютъ большую часть своего времени сельско-хозяйственному труду и занимаются лишь тѣми видами обрабатываемой промышленности, которые удовлетворяютъ насущные запросы. Люди Толстого не знаютъ денегъ, начальства, налоговъ, не знаютъ преступлений, тѣмъ болѣе не знаютъ судовъ, тяжбъ, тюремъ, казней, войнъ, солдатчины. Какъ равноправные члены міра, эти люди завѣдуютъ своимъ сельскимъ хозяйствомъ, артельными мастерскими и другими несложными дѣлами упрощенной жизни. Они свободны и отъ бремени, которое налагаетъ церковь со всѣми ея догматами. Имъ не нужны безчисленные обряды, которые отнимаются не мало силъ у членовъ главныхъ религіозныхъ общинъ нашего времени. Имъ не знакомъ страхъ передъ мученіями, которыми церковь грозить грѣшникамъ. Ровное теченіе жизни людей Толстого не нарушается и надеждами на загробное блаженство. Они вѣрятъ, что душа человѣка не начиналась никогда и никогда не умретъ, что ея не ожидаютъ муки адъ или васлажденія рая, но что въ ея вѣчномъ существованіи за предѣлами земной жизни найдется что-то отрадное и благое.

Итакъ, передъ нами два человѣка. По одну сторону—членъ землемѣрческой общины со спокойнымъ, безстрѣстнымъ, равнодушнымъ взглядомъ, въ одѣждѣ опрятной, но простой, которая ничѣмъ не отвѣчаетъ на запросы изящнаго вкуса, въ хижинѣ, чисто подметенной, вымытой, но где мебель и другое убранство не даютъ отклика на эстетическое чувство. Его пища достаточна для сохраненія здоровья, но однообразна. Его мышцы выносливы; онъ отлично принаорованы къ тяжелому землемѣрческому труду, способны къ сильному напряженію. Онъ довольно развить, дабы понимать простейшія задачи жизненнаго обихода и понемногу улучшать то, что считается основными потребностями жизни; но его умъ не воспріимчивъ: онъ проходитъ мимо всего богатства накопленныхъ знаній о вѣнчайшей природѣ и жизни человѣка въ прошломъ, настоящемъ, вѣроятномъ будущемъ. Его чувство прекраснаго удовлетворяется незатѣйливыми пѣсenkами, рассказами, музыкой народнаго творчества и лишь такими произведеніями единоличнаго художественнаго дара, которые напоминаютъ о любви къ Богу и ближнимъ или изображаютъ простыя однообразныя сцены быта. Его любви къ ближнему достаетъ на то, чтобы спокойно, размѣренно, неторопливо оказать содѣйствіе каждому. По другую сторону—человѣкъ нашего времени, какъ его создала исторія. Принадлежности одѣжды подобраны такъ, чтобы удовлетворить потребность въ изящномъ. Жилище, быть можетъ, не обширно, но своими стѣнами и убранствомъ отвѣчаетъ чувству красоты. Пища не менѣе здорова, нежели у членовъ грядущаго общества, но болѣе разнообразна и вкусна. Его руки, пожалуй, не такъ приспособлены къ простымъ и грубымъ работамъ, какъ у общинниковъ Толстого, но умѣютъ выполнять и разные другие виды труда, которые нужны для всего разнообразія новѣйшаго обихода. Его умъ настолько развитъ, что не теряется среди простыхъ житейскихъ задачъ, и въ то же время отзычивъ на всѣ соблазны знаній, которая за долгіе вѣка накопило человѣчество. Любя прекрасное, онъ не проходитъ безучастию мимо жемчужины, даетъ ли ее гений народа (пѣсня, сказка, рѣзная крыша деревенской хижинѣ, узоры самодѣльного кружева), или же творчество личное: онъ восхищается исторіей Іосифа Прекраснаго, сказаніемъ объ Йовѣ, а также Макбетомъ, Ли-

ромъ, Скупымъ рыцаремъ, Смертью Ивана Ильича, Жерминалемъ, пѣснами Беранже, Мадонной Рафаэля и красавицами Тиціана, музыкою Баха и Россини. Любовь, которую онъ чувствуетъ къ ближнимъ, побуждаетъ его служить нѣкоторымъ, немногимъ, страстно, до самозабвенія и быть готовымъ для другихъ, многихъ, только на небольшія услуги. Онъ не можетъ смотрѣть тѣмъ спокойнымъ безстрастнымъ взоромъ, который долженъ отличать первого: взглѣдъ второго выражаетъ все разнообразіе его душевныхъ движений, всѣ переливы его настроеній.

Важно не то, что многіе, подобно мнѣ, отдаутъ предпочтеніе второму передъ первымъ; важно лишь уяснить себѣ, можетъ ли выработаться типъ въ духѣ Толстого. Историческая справка заставляетъ дать отрицательный отвѣтъ.

Прошло девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ огненное слово Христа нашло откликъ въ душѣ людей. Казалось, можно было ожидать, что небольшая община первыхъ христіанъ, быстро возрастающая, охватить вскорѣ все человѣчество. Миръ того времени былъ во многомъ подобенъ нашему. Рѣзкая имущественная различія, разнообразныя утонченныя потребности богатыхъ классовъ, жестокость властнаго меньшинства по отношенію къ массѣ, подавленіе личности государствомъ, увлеченіе богатыхъ наукой и искусствомъ—вотъ, что мы видимъ въ древнемъ Римѣ. А идеалъ первыхъ христіанъ имѣлъ сходныя черты съ тѣмъ, чего требуетъ Толстой: строгая умѣренность въ потребностяхъ, трудъ, направленный лишь на то, что необходимо для жизни, общность имуществъ, пренебреженіе къ праву частной собственности, безбракіе или же строгое цѣломудріе въ супружескомъ союзѣ, отреченіе отъ выгодъ, которыхъ доставляетъ человѣку участіе въ государственной жизни. Конечно, слово Христа было болѣе властно, чѣмъ призывъ Толстого; оно почерпало великую силу уже изъ своей рѣзкой противоположности своду нравственныхъ понятій, по которому жили граждане древняго мира. За призывами Христа слышались голоса Его ближайшихъ учениковъ, а позднѣе—отцовъ церкви Восточной и Западной. Они напоминали людямъ о Евангельскихъ завѣтахъ, а въ частномъ быту являли примѣръ строгой жизни, примѣръ ненарушимаго соответствія поступковъ и словъ.

Не все ли было на лицо для того, чтобы міръ сталъ неузнаваемъ, чтобы греко-римская цивилизациѣ поросла быльемъ и на ея развалинахъ расцвѣла истинно-христіанская культура? А между тѣмъ, человѣчество, услыхавъ завѣты Христа, хотя и испытало съ этой стороны извѣстное вліяніе, крѣпко держалось за наслѣдство, полученное отъ греко-римскаго міра, и усердно пользовалось имъ при развитіи европейской, а позднѣе и американской гражданственности.

Можно объяснять это склонностью людей усвоивать порочныя привычки, съ легкимъ сердцемъ отбрасывать то, что составляетъ высокое нравственное благо, и уступать тлетворнымъ вліяніямъ, которыми верхушки общественныхъ слоевъ заражаютъ массы. Но такое объясненіе было бы односторонне, а потому и неудовлетворительно; оно могло бы только истолковать отдельныя формы проявленія культуры, но не общий ея ходъ отъ простѣйшаго быта въ строенію, безконечно болѣе сложному. Этотъ ходъ можетъ быть понять лишь подъ условіемъ, что мы признаемъ главнымъ двигателемъ природу человѣка, вложенное въ него хотѣніе развить всѣ силы и наклонности. Споря съ соціалистами, Толстой, незамѣтно для себя, признаетъ то, что я считаю основнымъ условіемъ, которое приводить жизнь къ формамъ, все болѣе сложнымъ. Толстой не вѣритъ, что граждане свободного общества согласятся работать на началахъ детально раздѣленнаго труда: они не захотятъ, говорить онъ, суживать свою природу; они предпочтутъ развивать всѣ способности, которыхъ въ нихъ вложены. Толстой упускаетъ, однако, изъ вида, что это стремленіе человѣка—основное и вѣчное. Пови-

нуясь этому влечению, человѣкъ нерѣдко возстаетъ противъ детально раздѣленного труда, если онъ препятствуетъ всестороннему развитію личности. Но слѣдованіе этому влечению сказывается и въ формѣ болѣе общей: отъ самой далекой старины человѣкъ старается разгадать вѣшнюю природу и самого себя и извлечь изъ всего, что его окружаетъ, возможно больше для удовлетворенія своихъ потребностей; онъ стремится получить отъ окружающаго какъ можно больше, для сохраненія своей жизни и для наслажденія. До сихъ поръ исторія человѣчества протекала такъ, что только меньшинству была обеспечена возможность всесторонняго развитія личности. Однако, демократизація общества дѣлаетъ это доступнымъ для круга, все болѣе и болѣе широкаго.

Нельзя найти въ прошломъ сколько-нибудь продолжительный періодъ, который оправдывалъ бы заключеніе, что человѣчество измѣнится согласно съ надеждами Толстого. А особенности человѣческой природы ручаются, что жизнь будетъ неуклонно развиваться въ томъ направлении, какъ до сихъ поръ. Это не значитъ, что она будетъ все болѣе усложняться и запутываться. Несомнѣнно, ся сложность уменьшится съ измѣненіемъ общественного строя, со смягченiemъ имущественныхъ неравенствъ и другихъ рѣзкихъ различий, которыя разъединяютъ теперь классы и общественные группы. Но отпаденіе многихъ уродливостей, которыхъ произрастаютъ на почвѣ чрезмѣрного богатства, праздности и извращенныхъ вкусовъ, еще не приведетъ къ опрошенію въ духѣ Толстого. Природа человѣка будетъ всегда требовать полноты и разнообразія жизни, ибо только чрезъ ихъ посредство личность получаетъ наиболѣе яркое выраженіе.

И впредь, какъ и теперь, найдутся охотники жить по рецепту Толстого. Но это будутъ люди бездѣтные, вялого темперамента, съ болѣзнями простыми требованіями отъ жизни. Не они будутъ двигать человѣчество впередъ. Общий праотецъ Адамъ нарушилъ запрѣтъ Небесъ и вкусили отъ дерева познанія добра и зла. И нашихъ отдаленныхъ потомковъ всегда будетъ влечь къ этому источнику. Они всегда будутъ во власти желанія вкушать отъ этого дерева, дабы обогащать свою природу, какъ тѣлесную, такъ и духовную.

Мечты Толстого о томъ, какъ измѣнится человѣкъ, и каковъ будетъ строй грядущихъ обществъ, не имѣютъ никакого значенія. Онъ не обогащаются нашихъ знаній полезными теоріями или хотя бы гипотезами; тѣмъ болѣе бесполезны онъ для практической дѣятельности. Но, быть-можетъ, велика цѣнность неустаннаго напоминанія о томъ, что люди должны любить другъ друга?

Прекрасное само по себѣ, оно должно вызывать сочувствие каждого, чья душа хотя немного склонна къ добру. Но слабая сторона Толстого въ томъ, что онъ буквально подражаетъ Христу. Онъ упускаетъ изъ вида, что религія, какъ и все въ жизни людей, тѣсно связана съ совокупностью условій, среди которыхъ она вырастаетъ. Дѣвѣ тысячи лѣтъ назадъ только маленькая дробь человѣчества воспріяла высокую культуру. Большая часть римского царства жила первобытною жизнью; имущественные различія между членами этой среды, особенно въ Иудѣѣ, были не велики; потребности просты; расчлененіе общества на классы незначительно: а потому и краткая заповѣдь о любви къ ближнему, безъ ближайшаго указанія способовъ осуществлять ее, была понятна всѣмъ. Она вносила ломку въ жизнь тѣхъ, кто, подобно богатому юношѣ, вопрошавшему Христа о вѣчномъ блаженствѣ, владѣлъ значительнымъ имуществомъ; но она не измѣняла условій существованія огромнаго большинства, такъ какъ его жизнь отличалась крайнею простотой. Завѣты же Толстого о любви къ ближнему съ указаніемъ формъ, въ которыя должна облекаться любовь, грѣшать полнымъ забвеніемъ о современной дѣйствительности. При простотѣ жизни въ далекомъ прошломъ послѣдователю Христа было нетрудно оставить

несложное ремесло или торговлю и помогать нуждающимся личнымъ тру-
домъ. Позднѣе, въ первые вѣка христіанства и даже дальше, вплоть до
осложенія, которое принесло жизни новое время, также нетрудно было
внимать призывамъ тѣхъ, кто шелъ по слѣдамъ Христа и неослабно напо-
миналъ о любви къ ближнимъ. Теперь, при широко развитѣленномъ трудѣ,
при дѣлѣ общества на безчисленныя группы по занятіямъ и складу жизни, при
ростѣ городовъ, совѣты Толстого направлять всѣ силы на содѣйствіе
крестьянамъ въ ихъ сельско-хозяйственномъ труде и отрицаніе денегъ,
этого могущественнаго и часто незамѣннаго средства для истинной bla-
готворительности, являются чѣмъ-то наивными, непродуманными. Это—
копировка старыхъ великихъ образцовъ, которые въ далекомъ прошломъ
были достаточно связаны съ дѣйствительностью. Вотъ почему призывы
Толстого къ развитию и укрепленію любви между людьми не могутъ при-
нести столь обильныхъ плодовъ, какъ мечтаютъ его поклонники. Онъ имѣть
небольшую кучку послѣдователей, которые упростили свою жизнь; они
стараются выразить свое дружелюбіе въ формѣ, особенно любезной ихъ
учителю. Но это не доказываетъ ровно ничего: всегда и вездѣ есть люди,
склонные къ добру, равнодушные къ вѣнчаннымъ условіямъ жизни, готовые
измѣнить свою судьбу, лишь бы служить ближнему. Эти люди давали
бы просторъ своимъ добрымъ влечениямъ и безъ совѣтовъ Толстого. Не-
сомнѣнно, среди нихъ найдутся и такие, которые, не слѣдя учителю без-
оговорочно, оставаясь при своемъ специальномъ занятіи и помогая ближ-
нимъ деньгами или профессиональными совѣтами, приносили бы больше
пользы, нежели пріобщаясь къ сельско-хозяйственному труду. Будь
слѣпыхъ послѣдователей даже довольно много, ссылка на нихъ не была
бы убѣдительна. Огромное большинство людей имѣть нѣкоторую,—въ об-
щемъ, умѣренную,—наклонность къ добру. Когда они слышать о призы-
вахъ проявлять любовь, то готовы прославлять тѣхъ, кто призываетъ. Но
для воздействиа на ихъ душу необходимо что-нибудь конкретное и простое.
Разъ этого нѣтъ, то общія напоминанія не даютъ плодовъ. Если есть
наглядная форма, но она непрѣемлема для множества людей, ибо разру-
шаетъстрой ихъ жизни, то призывы оказываются еще меньше вліянія.
Многіе, слушая ихъ и отрица предложенную форму, какъ непригодную,
становятся склонны отвергать и ея ядро, считать самые завѣты о любви
къ ближнему только безодержательными словами.

Такова слабая сторона Толстого, какъ моралиста. Я не вижу основ-
ненія признавать его религіознымъ реформаторомъ. Творцы религій, а
равнымъ образомъ и реформаторы, внесли въ обиходъ людей хоть что-
либо новое и удобопрѣемлемое для многихъ членовъ данной среды. Создан-
ное Христомъ, Моисеемъ, Буддой, Конфуціемъ, Магометомъ нашло откликъ
въ сердцахъ многихъ миллионовъ. Упрощеніе и очищеніе церкви, составляя
жизненную задачу Лютера и Кальвина, удовлетворило также множество
людей. Толстой—въ иномъ положеніи. Онъ не создалъ новой религіи, а
потому и нельзя ставить его на ряду съ творцами вѣроученій. Нѣтъ осно-
ванія говорить, что онъ очищаетъ догматическую вѣру, т. е. проводить
параллель, напримѣръ, между нимъ и Лютеромъ. Я не согласенъ со мнени-
емъ изъ его нападокъ на церковь и догматическую религію. Предполо-
жимъ, однако, что всѣ онъ правильны, и что нужно цѣликомъ принять
критику, которой онъ подвергаетъ православную и другія христіанскія
церкви: и въ этомъ случаѣ нельзѧ признать его религіознымъ реформа-
торомъ.

Каждая изъ христіанскихъ церквей была много разъ предметомъ
всесторонней критики. Послѣдняя дала тѣ практическія послѣдствія, что отъ
господствующихъ вѣроученій откололись безчисленныя секты, отвергли
обрядовую сторону или, по крайней мѣрѣ, до послѣдней степени сократили
и упростили обряды. Критика привела и къ тому, что повсемѣстно мил-

люны людей, не пріобщаясь въ какой-либо сектѣ, совсѣмъ отошли оть церкви, отрѣшились оть обрядовъ своей религіи, даже оть всей ея метафизики, и стали чистыми деистами. А успѣхи естественныхъ наукъ, подорвавъ вѣру въ метафизическое, объяснили множество загадочныхъ явлений строго реально и расчистили дорогу для материализма. Голосъ Толстого раздался въ этой области уже вслѣдъ за многими другими голосами, прозвучавшими очень громко и отвлекшими оть церкви множество людей.

Однако, быть можетъ, слѣдуетъ сопричислить Толстого къ религіознымъ реформаторамъ потому, что его взглядъ на бессмертие души рѣзко отклоняется оть христіанского вѣроученія?—И это не оправдывается признаніемъ его обновителемъ религіи. Вѣра въ душу безъ начала и конца, какъ понималъ еще Платонъ, не вноситъ въ кругъ человѣческихъ идей ничего, способнаго удовлетворить сколько-нибудь значительное число людей. Обѣщаніе возмездія въ загробной жизни и угроза карами, что мы находимъ въ догматическихъ религіяхъ, лучше отвѣчаетъ на запросы простыхъ людей, а ростъ естествознанія все больше подготавливаетъ почву для воспріятія идей материалистического монизма и все больше подрываетъ вѣру въ существованіе духа въ вещества, съ которымъ онъ связанъ. Старинное представленіе о душѣ, введенное въ оборотъ Толстымъ, неспособно захватить многихъ и не можетъ повести къ образованію самостоятельной и многочленной религіозной общины.

Легкомыслѣе при оцѣнкѣ возможности общественныхъ преобразованій выступаетъ особенно выпукло въ отношеніи Толстого къ вопросу о землѣ. Онъ требуетъ ея изъятія изъ частной собственности.

Сама по себѣ такая мѣра можетъ возбуждать полное сочувствіе всѣхъ, кто проникнутъ идеаломъ общественной справедливости. Но, принимая идеи Джорджа, Толстой впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, а потому и даетъ нечто, весьма несовершенное. Онъ разсчитываетъ, что эта мѣра можетъ быть легко проведена съ согласія землевладѣльцевъ, которые общимъ ходомъ дѣлъ подготавливаются къ отказу отъ своего права на землю. Онъ полагаетъ, что мирной стачки тѣхъ, кто работаетъ на крупныхъ и среднихъ сельскихъ хозяевъ, или же арендуетъ землю частныхъ владѣльцевъ, будетъ достаточно, дабы совершился желанный переворотъ. Но планъ Джорджа, за который стоитъ Толстой, не можетъ быть проведенъ посредствомъ общаго распыльчатаго альтруизма: для его выполненія необходима политическая реформа, опредѣленное настроеніе большинства въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Это большинство должно быть проникнуто истинно-демократическимъ духомъ, должно быть равно-душно къ тому, готовы ли владѣльцы отказаться отъ земли, или же относятся къ этой мѣрѣ съ негодованіемъ. Преобразованіе въ духѣ Джорджа можетъ быть совершено только подъ условіемъ, что законодатель подкрепляетъ его мѣрами принужденія со стороны государства.

Въ критической части ученія Толстого многое совсѣмъ нелѣпо. Таковы, напримѣръ, его разсужденія о деньгахъ и раздѣленіи труда, какъ о главныхъ источникахъ рабства; о томъ, что невозможность для каждого пользоваться землею тяжеле личной зависимости отъ господина; что отбываніе воинской повинности ничѣмъ не лучше рабскаго состоянія; что 49/50 налоговъ, которые поступаютъ въ государственную казну, затрачиваются ко вреду для народа; что государствомъ обыкновенно управляютъ худшіе; что переходъ отъ власти монархической, неограниченной, къ парламентарному строю служить въ пагубѣ для народа, такъ какъ умножаетъ въ странѣ фокусы, откуда истекаютъ развращающія вліянія; что въ мірѣ наблюдается все болѣе жестокости и т. д., и т. д.¹⁾ Но, несомнѣн-

¹⁾ Это разсмотрѣно болѣе подробно въ моей книгѣ. См. Исаѣцъ Ф. Толстой, какъ мыслитель. СПБ. 1911.

но, въ его критикѣ существующаго есть и прекрасныя мѣста, къ которымъ можно отнести только съ глубокимъ сочувствіемъ. Краснорѣчиво осуждаетъ Толстой роскошь богачей, ихъ наклонность къ праздности, къ суетнымъ развлечениямъ, ихъ слабую восприимчивость къ страданіямъ ближнихъ. Яркими красками изображаетъ онъ невзгоды, которыя выпадаютъ на долю рабочихъ классовъ; глубоко прочувствовано то, что говорить онъ о смертной казни, о войнахъ, о неправедныхъ судахъ, о тяготахъ, которыя причиняетъ населенію частная земельная собственность. Эта критика внесла въ литературу немало привлекательныхъ страницъ. По содержанію она не дала ничего новаго. Да и по формѣ она уступаетъ многому изъ того, что накопила наука. У Л. Блана, Маркса, Лассала, Энгельса, Кропоткина мы находимъ сотни страницъ, лучше воспроизведеніи страданія трудового люда, нежели то сдѣлалъ Толстой. Джорджъ бичуетъ землевладѣльцевъ и изображаетъ тяготу людей, лишенныхъ земли, гораздо ярче, нежели отшельникъ Ясной Поляны. Со временемъ Беккаріа многие противники смертной казни изслѣдовали этотъ предметъ глубже, чѣмъ Толстой. Въ безчисленныхъ брошюрахъ, которыя за послѣдніе десятилетія выпущены союзами борьбы съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ и лигами мира, изложено,—и нерѣдко въ отличной формѣ,—все то, что написалъ Толстой противъ водки и солдатчины. Такимъ образомъ, критика Толстого не вноситъ ничего новаго въ оцѣнку безчисленныхъ общественныхъ золъ. Творцу многихъ справедливо прославленныхъ художественныхъ произведеній нетрудно было озарить яркимъ свѣтомъ и то, что за второй періодъ его жизни было выпущено въ свѣтъ по вопросамъ религіи, нравственности, о государствѣ, казняхъ, войнахъ, и проч., и проч. Если бы первая половина жизни Толстого была наполнена тѣмъ, что составило главное содержаніе второй, и наоборотъ, то многочисленные философско-публицистические очерки его обратили бы на себя мало вниманія и даже,—по крайней мѣрѣ, временно,—ослабляли бы впечатлѣніе, произведенное на читателя «Войной и Миромъ» или «Анной Карениной».

III.

О частной жизни Толстого писали и пишутъ очень много. Разница между нимъ и многими другими знаменитыми людьми сводится къ тому, что его домашній быть имѣть болѣе общее значеніе, нежели, напримѣръ, частная жизнь Гете, Пушкина, Петра Великаго. Эти трое не выдвигали идеаловъ для поведенія человѣка, а потому ихъ домашній быть можетъ быть во многихъ отношеніяхъ интересенъ и поучителенъ, можетъ освѣщать ихъ общественную дѣятельность, особенности ихъ творчества, но не предназначено служить примѣромъ для миллионовъ людей. Мы знаемъ и любимъ Гете, какъ величайшаго художника и мыслителя, какъ источникъ могущественного вліянія на міровую литературу. Но намъ и на умъ не приходитъ, что его частная жизнь должна служить во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ. Намъ извѣстно изъ его биографіи о привлекательныхъ чертахъ его характера, которыя заслуживаютъ подражанія, и мы легко миримся съ тѣмъ, что должно быть признано слабыми сторонами его частной жизни. Мы считаемъ себя удовлетворенными, если находимъ его въ частномъ быту лучше, нежели среднихъ людей его времени и круга. Слѣдуетъ сдѣлать такую же оцѣнку и по отношенію къ Пушкину и Петру. Слабыя стороны въ частной жизни первого были многочисленны; быть можетъ, ихъ наберется лишь немногимъ менѣе, нежели у среднихъ людей большого петербургскаго свѣта того времени. Но Пушкинъ не рисовалъ намъ идеального человѣка, не говорилъ о частностяхъ обязательного поведенія людей. Вотъ почему, находясь подъ обаяніемъ его художественного творчества, мы легко забываемъ о многочисленныхъ недочетахъ его личной жизни. Петръ

Великий не задумывался надъ тѣмъ, каковъ долженъ быть средній русскій человѣкъ его времени. Его удовлетворяла готовность русскихъ людей сбрасывать, повинуясь царю, московскую старину и, хотя вѣшнимъ образомъ, пріобщаться къ западной цивилизациі. Увлеченные размахомъ, силой и стремительностью его государственного строительства, мы почти не испытываемъ разочарованія, когда узнаемъ о проявленіяхъ его жестокости и о разныхъ недостаткахъ его личной жизни. Мы охотно миримся съ ними, если сознаемъ, что она была не хуже частнаго быта среднихъ владыкъ того времени.

Къ Толстому нужно примѣнить иную мѣрку. Если бы его творчество ограничилось художественными произведеніями, то мы оцѣнивали бы его частную жизнь такъ же, какъ и частную жизнь трехъ вышенназванныхъ и многихъ другихъ крупныхъ представителей человѣчества. И если на время забудемъ объ его такъ называемыхъ философскихъ сочиненіяхъ, то признаемъ, что тонъ его жизни былъ гораздо выше, нежели у людей нашего времени и его общественнаго круга. Ему были чужды честолюбіе, искательство и тщеславіе сановника или придворнаго; онъ былъ далекъ отъ склонности къ суетнымъ развлеченіямъ, которая захватываетъ съ такою силой людей состоятельныхъ; онъ не зналъ корыстолюбія, которое крѣпко держитъ въ своихъ когтяхъ многихъ людей, занимающихъ вершины общежитія. Семья, близкое общеніе съ природой, непрерывный трудъ, строгая умѣренность относительно многочисленныхъ радостей, которыя отвѣчаютъ на чувственный влеченія,—такова жизнь Толстого. Не нужно знать ее въ подробностяхъ, дабы поставить ее очень высоко надъ частнымъ бытомъ множества людей, которые занимаютъ верхніяступени въ наукѣ, искусствѣ или общественной дѣятельности.

Но все это блѣднѣеть, если припомнить завѣты, которые онъ даетъ людямъ, если припомнить, что онъ считаетъ личное усовершенствованіе человѣка основой коренныхъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ и не вѣритъ въ возможность истиннаго прогресса безъ отказа людей отъ безчисленныхъ потребностей, которыя уже упрочились въ широкихъ кругахъ населенія. Дойти до крайнихъ предѣловъ опрошенія въ пишѣ, одеждѣ, жилищѣ, сосредоточить свои силы на простѣвшихъ видахъ ручного труда, вдвинуть въ самыя тѣсныя рамки свои умственные и художественные запросы, даже стать нищимъ и бродягой—вотъ его идеаль. А кто выступаетъ съ такою проповѣдью, тотъ обязанъ приблизиться къ осуществленію своей мечты. Жизнь Толстого была на всѣхъ пунктахъ очень далека отъ выдвинутаго имъ образца. Огромна разница между проповѣдникомъ, который переходитъ изъ края въ край страны, ограничиваетъ потребности только самымъ необходимымъ для поддержанія здоровья, отрѣшается отъ семейныхъ радостей и удобствъ своего родного гнѣзда и наполняетъ жизнь проповѣдью излюбленныхъ идей словомъ, перомъ и примѣромъ, и писателемъ, который живеть съ семьей въ хорошо поставленной, благоустроенной усадьбѣ, въ общеніи съ чуждыми людьми, образованными и простолюдинами, лишь поскольку ему это нравится, живеть съ возможностью отвлекаться отъ труда для хорошей музыки, прогулокъ пѣшкомъ и верхомъ, для шахматной игры, для бесѣды съ многочисленными посѣтителями, которые часто служатъ предметомъ интересныхъ наблюдений, а вѣрѣдко привозятъ съ собой новости важныя и поучительныя. Особенности личной жизни Толстого, которая, повидимому, являются отвѣтомъ на его требованія личнаго усовершенствованія, не могутъ удовлетворить людей, увлеченныхъ его идеалами. Пища вегетаріанца, простая одежда, близкая къ платю рабочаго люда, чередование умственныхъ занятій и ручного труда, бесѣды съ крестьянами и подача имъ совѣтовъ не являются даже намекомъ на то, какъ долженъ жить проповѣдникъ, который служить людямъ примѣромъ въ духѣ Толстого. Стоить только быть

благоразумнымъ, заботиться о своемъ здоровьѣ, смотрѣть равнодушно на многочисленные торжественные пустяки, которыми тѣшатъ себя люди, относиться доброжелательно ко всякому,— и построишъ свою жизнь по плану, во многомъ напоминающему домашній быть Толстого. Такихъ людей не мало и въ Россїи, и въ другихъ странахъ.

Въ частной жизни Толстого есть фактъ, болѣе крупный, нежели все перечисленное: отказать отъ дохода, который могли бы принести сочиненія послѣднихъ 20 лѣтъ. Этотъ отказъ представляетъ явленіе необычное, исключительное. Онъ можетъ производить впечатлѣніе на людей, которые живутъ согласно съ началами господствующей нравственности. Но и эти люди не будутъ единодушно признавать такой образъ дѣйствій особенно возвышеннымъ. Лучшіе изъ этихъ людей будутъ склонны разсуждать такъ: «вмѣсто того, чтобы не извлекать дохода изъ своихъ сочиненій, представлять ихъ изданіе всѣмъ желающимъ и тѣмъ лишь немногого понижать ихъ цѣну, только копѣйками уменьшать годовой расходъ малосостоятельной семьи на эти сочиненія, слѣдовало бы получать доходъ и на сбереженія суммы, которая могутъ быть очень велики, создать учрежденіе въ интересахъ бѣднѣшихъ классовъ». Такова будетъ оцѣнка многихъ хорошихъ людей, которые не отрѣшились отъ мысли, что современная жизнь открываетъ достаточный просторъ для возвышенныхъ, въ высокой степени полезныхъ начинаній. А въ то же время отказъ Толстого не можетъ удовлетворить человѣка, привыкшаго его идеалъ. Разъ Толстой повѣдалъ всему миру, что жалованье въ тысячу рублей ежегодно составляетъ уже очень большую сумму, которая рѣзко отдѣляетъ семью отъ рабочихъ людей, то отказъ наживать деньги на изданіи сочиненій не обнаруживается самопожертвованіемъ со стороны человѣка, который, и помимо дохода отъ литературнаго труда, пользуется хорошими средствами и можетъ вести жизнь спокойную и пріятную.

Такова моя оцѣнка частной жизни Толстого. Я отмѣчаю ея слабыя стороны, смотря глазами того, кто превозноситъ его, главнымъ образомъ, какъ право-учителя. Если такой цѣнитель будетъ послѣдователенъ, то отдастъ предпочтеніе цѣльности многихъ праведниковъ любой религіи и безчисленныхъ неустранимыхъ борцовъ за народную свободу. Я лично не придаю значенія философіи Толстого и считаю его домашній быть во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ.

IV.

Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе и послѣднихъ дней его жизни. Въ бѣгствѣ изъ Ясной Поляны многіе видятъ нечто исключительное и возвышенное. Не лучше ли дать всему этому простое, общепонятное объясненіе.

Человѣкъ дожилъ до того возраста, когда безчисленные связи, соединяющія съ семьей, друзьями, привычными занятіями, даже обычной обстановкой, замѣтно ослабѣваютъ. Раньше, при полнотѣ силъ, человѣкъ увлекало многое изъ окружающихъ условій, увлекало настолько, что ему не доставало силы воли, дабы осуществить планъ жизни, который онъ строилъ для себя и выдвигалъ для другихъ. Однако, старость взяла свое. Мысль о смерти нерѣдко преслѣдовала его и раньше; она заставляла человѣка скорбѣть о непослѣдовательности, изливать жалобы въ устной и письменной бесѣдѣ, но старины привычки удерживали въ привычной колѣ. Теперь эта мысль властвуетъ въ душѣ; соблазны отступаютъ назадъ; человѣкъ собираетъ честаки воли и рѣшается провести недолгіе годы жизни, быть можетъ, только мѣсяцы, болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ, что говорить ему общежитійская мораль, или же идеалы, которые сложились въ его умѣ. Московскій или ярославскій богачъ, не мудрствуя лукаво, строить на старости лѣтъ обширный храмъ и покрываетъ густою позолотой его

купола. Американскій миллиардеръ жертвуетъ миллионы на университеты, народныя школы, больницы для бѣдныхъ. Женщина, проводившая десятки лѣтъ въ разнообразномъ весельѣ, идетъ на старости лѣтъ въ монастырь или въ сестры милосердія. Послѣдователь одной изъ догматическихъ религій, если не имѣть средствъ на благотворительность, старается установить равновѣсіе въ своей душѣ, хотя тѣмъ, что начинаетъ часто ходить въ церковь и неуклонно исполнять всѣ обряды своего вѣроученія. Толстой оставляетъ домъ и семью, чтобы просить милостынію.

Если бы Толстой оставилъ домъ и семью лѣтъ на двадцать раньше, то уходъ изъ Ясной Поляны, быть можетъ, послужилъ бы къ болѣе яркому освѣщенію его личности. Онъ имѣлъ бы время, дабы въ достаточной степени согласовать свою жизнь съ ученіемъ. Уходъ же на 83-емъ году не могъ бы дать результатовъ этого рода, если бы и не застигла въ дорогѣ смертельная болѣзнь: переломъ былъ слишкомъ рѣзокъ, а тѣло не довольно крѣпко, чтобы можно было прожить въ необычной обстановкѣ даже немногого лѣтъ. Уходъ изъ Ясной Поляны явился результатомъ переживаній, которыхъ выпадаютъ на долю множества людей; этими переживаніями управляетъ сознаніе близкой смерти, которое не покидаетъ человѣка, вслѣдствіе неудержимаго упадка его жизненныхъ силъ.

Если принять изложенное мною, то, повидимому затруднится объясненіе того, что безчисленное множество людей, и при жизни Толстого, и послѣ его смерти, превозносили и превозносятъ его не только какъ великаго художника, но и какъ моралиста, обновителя религіи, учителя людей для ихъ частной и общественной жизни.

Выдѣлимъ изъ огромнаго хора, прежде всего, то большинство, которое радо придѣться къ любому поводу, чтобы пошумѣть. Если бы спросить одного изъ безчисленныхъ крикуновъ, виггистующихъ на читингахъ, наводняющихъ, газеты и журналы, кого они больше славословили, Толстого или усерднаго говоруна на какой-либо сходкѣ, то они затруднились бы отвѣтить. Для этого большинства, согласно съ изреченіемъ остроумнаго француза, жизнь прекрасна, roig qui cil y ait du tapage.

Отношенію же къ Толстому меньшинства, которое дѣйствуетъ сознательно или хотя бы полусознательно, должно быть дано такое объясненіе.

1). Дивные художественные образы издавна привлекли къ нему множество людей. И въ Россіи, и за ея предѣлами полюбили Болконскаго, Левина, Енджну Мэри, Китти, Карапатаева, Нехлюдова, а потому и стали относиться съ напряженнымъ вниманіемъ къ создателю этихъ типовъ.

2) Въ отличіе отъ современныхъ художниковъ слова, а также отъ поэтовъ прошлаго, Толстой писалъ о многихъ общественныхъ вопросахъ. Разбираясь въ нихъ, большую частью, неумѣло, онъ выражалъ сочувствіе неимущимъ и обездоленнымъ, а потому и вызывалъ горячіи симпатіи людей, проникнутыхъ хотя-бы слабымъ чувствомъ дружелюбія.

3) Онъ не пользовался тѣми выгодами, которыя давались ему сами собою: знатностью рода, возможностью получать крупные доходы отъ сочиненій. Отличая его даже отъ лучшихъ представителей литературы, такой образъ дѣйствій располагалъ къ нему всѣхъ, демократически настроенныхъ, людей.

4) Имя и связи Толстого создали для него особое, исключительное положеніе. Многія изъ его сочиненій подвергались запрету; лица, распространявшія ихъ, привлекались къ судебнѣй ответственности; но его самого не трогали. Долгіе годы такого отношенія къ нему властей упрочили убѣженіе, что только онъ можетъ невозбранно говорить правду, что только онъ, лично не задѣтый начальствомъ, можетъ быть строго безпристрастенъ въ оценкѣ окружающаго. Сочиненія о Россіи, изданныя за гра-

ницей и запрещенные у настъ, нерѣдко распространялись успѣшно; по содержанію, они часто превосходили то, что писалъ Толстой. Но имя знаменитаго романиста побуждало перевести на иностранные языки даже очень слабыя его произведенія, и иностранцы узнавали о больныхъ сторонахъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ этого источника. Умъ и знаніе нѣкоторыхъ русскихъ эмигрантовъ позволяли имъ дать о Россіи очень много; но къ читателю нерѣдко закрадывалось подозрѣніе, что эти люди погрѣшаютъ противъ дѣйствительности, что русская жизнь не заслуживаетъ такихъ мрачныхъ красокъ, что авторы, натерпѣвшіеся отъ правительства, озлоблены и открываютъ своему раздраженію слишкомъ большой просторъ.

5) Въ теченіе десятковъ лѣтъ и у настъ, и за границей набралось немало людей, которые посѣтили Толстого, бесѣдовали съ нимъ, находились подъ живымъ впечатлѣніемъ его личности и, много разъ передавая въ печати о хозяинѣ Ясной Поляны, содѣйствовали озаренію его имени еще большимъ блескомъ.

6) Громкой славѣ Толстого въ Россіи содѣйствовало и то, что онъ нападалъ на православную церковь и русский государственный строй. Это обезпечило ему любовь либераловъ; а члены крайнихъ политическихъ партий, извиняя ему несочувствіе ихъ дѣятельности, считаютъ его вполнѣ уже за рѣзкие укоры, которые онъ часто бросалъ правительству.

7) Наконецъ, на многихъ подѣйствовали его смерть въ исключительной обстановкѣ и, особенно, погребеніе: въ Россіи едва ли былъ случай, чтобы крестъ не осенялъ могилы того, кого привыкли считать истиннымъ христіаниномъ.

Созданіе Толстымъ вѣтъ предѣловъ художественного творчества постепенно поблѣднѣеть и въ большей своей части будетъ забыто; но, подобно мнѣ, всѣ, раздѣляющіе мой образъ мыслей, дружно присоединяться къ хору, который поетъ «вѣчную славу» творцу «Войны и Мира», «Анны Карениной», «Смерти Ивана Ильича».

А. А. Исаевъ.

